

Не никогда не пришло бы в голову написать этот текст, если бы не случай. К нам пришли знакомые, с ними был сын, подросток 15 лет. Я в это время работала над «Шпаргалкой для ленивых», излагала историю престолонаследия в Англии, периодически расцвечивала свое повествование отсылками к Шекспиру, поэтому на моем рабочем столе рядом с ноутбуком лежал том, открытый на «Ричарде Третьем» с подчеркиваниями карандашом и бесчисленными пометками на полях. Юный гость проявил здоровое любопытство, сунул нос в текст, мазнул глазами и сморщился:

— Фу, какой отстой! Многобукафф и ничего не понятно. Зачем вы это читаете?

Я посмотрела через его плечо: какой же отрывок вызвал такое отторжение? В целом я в курсе, что поколение, выросшее в обнимку с гаджетами, вырабо-

Иллюстрация слева — Ричард Третий в исполнении актера Джона МакКалло (1832–1885).

тало новый стиль ознакомления с текстами: читает первую строку целиком, а начиная со второй-третьей строки «обрезает» края и воспринимает в основном то, что находится в середине. И, конечно же, поэтический шекспировский трудночитаемый слог — это совсем не то, суть чего можно усвоить нетренированному взгляду за пару секунд. Продираться сквозь дебри, терпеливо искать подлежащее, которое может оказаться совсем не там, где вы его ищете, брести сквозь многочисленные и кажущиеся избыточными сравнения, метафоры и аллегории... Да уж, этот труд под силу сегодня лишь тем, кто заинтересован, кому «надо».

Оказалось, наш гость выхватил глазами монолог Кларенса, в котором тот описывает свой сон. Ну да, все ясно, для неподготовленного читателя эти строки — просто набор слов непонятно о чем.

— Букв много, — согласилась я. — Но история там случилась крайне любопытная.

И начала рассказывать о Войне Алой и Белой розы, о короле Эдуарде Четвертом и его братьях, один из которых был верным и преданным пуританином, другой — легкомысленным и жадным до удовольствий предателем. О том, как из пуританина, превосходного воина, поступавшего в соответствии с принятыми в те времена нравами, литераторы и кинематографисты сделали немислимое чудовище, а из его брата-перебежчика — невинного ангела. О неравном браке, заключенном королем, и о том, что из этого вышло.

Парень слушал, открыв рот. Потом взял том Шекспира, полистал, попытался прочесть и захлопнул книгу.

— Нет, это невозможно! Вы так интересно рассказываете, а начинаешь читать — сплошная муть. Это же сколько сил и времени нужно вбухать, чтобы понять, что там такая суперская история!

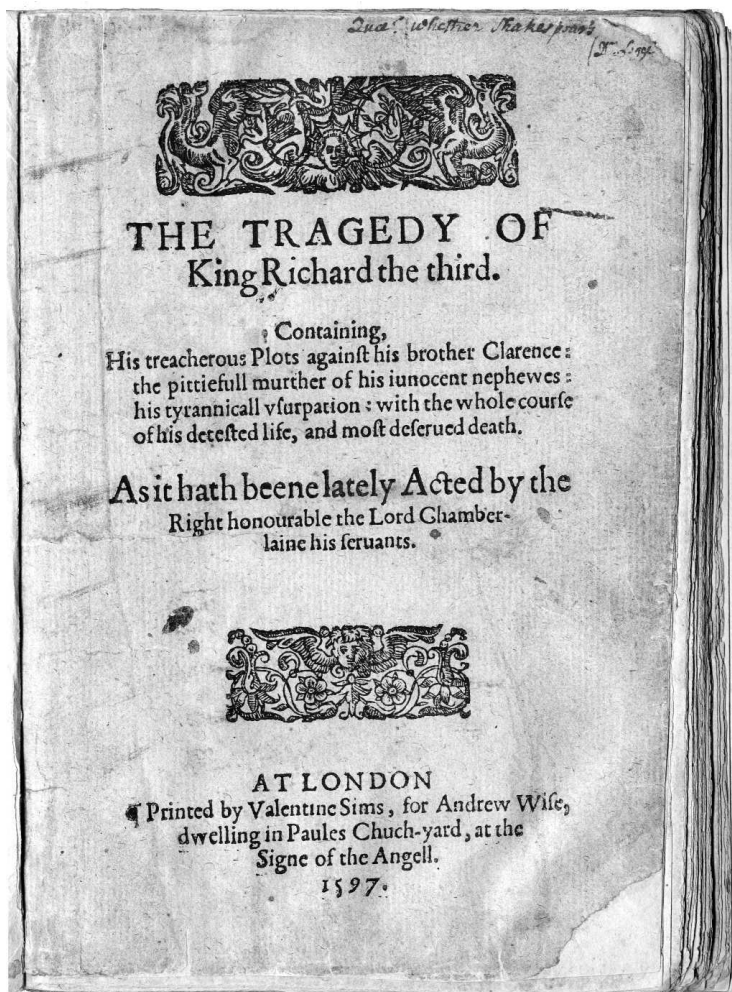
И мне стало жаль. Жаль, что «суперские» истории зачастую проходят мимо тех, кому они могли бы быть действительно интересны. И жаль тех, кто эти истории пропускает, ведь в наше время темп жизни действительно увеличился в разы по сравнению не то что с XVI веком, когда творил Шекспир, но даже и с прошлым, двадцатым. Новое поколение просто не может тратить долгие часы на то, чтобы вникать в запутанные поэтические тексты.

Так почему бы не помочь хотя бы тем, кто захочет? Хотя бы тем, кому «задали на дом»?

Вот так и родилась идея. Если этот текст не найдет своего читателя, я буду все равно счастлива, потому что получила огромное удовольствие в процессе его написания.

Прежде чем начать разбираться с текстом пьесы, имеет смысл вспомнить или заново прояснить для себя предысторию и определиться с персонажами. Итак, с чем мы имеем дело?

С XV веком. С Войной кузенов, более известной под названием Война Алой и Белой розы. С борьбой за трон между кланами Ланкастеров и Йорков, которые, между прочим, довольно близкие родственники: и те, и другие являются потомками Плантагенетов, только

Титульный лист издания трагедии Шекспира
«Король Ричард Третий» (1597)

происходят от разных ветвей, точнее — от разных сыновей короля Эдуарда Третьего Плантагенета. Сыновей-то у того короля было немало, целых семеро, но до зрелых лет дожили только пятеро. Алая роза — Генрих Шестой, правнук Джона Гонта, герцога Ланкастера, третьего по старшинству сына Эдуарда Третьего. Белая роза — Ричард Марч, герцог Йоркский, внук Эдмунда Йорка, четвертого сына. Поскольку Джон Гонт и Эдмунд Йорк являются родными братьями, то все их потомки считаются кузенами друг другу. Так почему же возник между ними конфликт? Из-за чего война? Раз Джон Гонт Ланкастер — третий, а Эдмунд Йорк — всего лишь четвертый, то по идее все же правильно, кто старше — того и трон, и потомки старшего пользуются преимущественным правом на престол.

Ан нет, не так все просто. Начнем с того, что у Эдуарда Третьего был ведь и самый старший сын, тоже Эдуард, по прозвищу Черный принц, но он умер еще при жизни своего отца, и после смерти короля Эдуарда трон достался малолетнему сынишке Черного принца, Ричарду, которого короновали под именем Ричарда Второго. Ричард правил странной неразумно, наделал кучу глупостей, восстал против себя широкие слои дворянства и рыцарства, ухитрился арестовать и втихую казнить своего родного дядю, самого младшего сына короля Эдуарда Третьего, Томаса Вудстока. Но спусковым механизмом катастрофы стали действия Ричарда в отношении другого своего дядюшки, Джона Гонта

Ланкастерского. Дядюшка был страшно богатым человеком, а это значило, что он был и влиятельным. И Ричард задумал помочь стареющему дяде поскорее умереть, чтобы прибрать к рукам все его богатство. Это же очень просто: обвинить в измене и все конфисковать. Единственного сына и наследника дядюшки Ланкастера король Ричард уже отправил в ссылку (удобный предлог подвернулся), правда, всего на 10 лет. Но когда дядя вдруг тяжело заболел и стало понятно, что конец близок, Ричард засучил рукава и принялся за дело. В первую очередь — продлил срок ссылки своего кузена до «пожизненного». Отличный ход! Теперь у дяди Джона Гонта Ланкастерского нет законных наследников в Англии, и все его земли, замки, дворцы и сокровища с полным правом можно отправить в королевскую казну.

Но сын, Генрих Болингборк, такого беспредела терпеть не стал. Собрал войско, на сколько денег хватило, вернулся в Англию с намерением огнем и мечом вернуть себе незаконно отнятое. Он ни о чем таком не помышлял, ни о троне, ни о власти, он собирался только биться за свое кровное, за наследство. Однако по мере продвижения по территории страны он вдруг увидел, как народ ненавидит короля и как мечтает о другом правителе. Тут, соответственно, и мысли появились совсем другие.

Закончилось все тем, что Ричарда Второго с трона спихнули, посадили в узилище и там потихоньку от-

правили на тот свет, а королем стал Генрих Болингброк, он же Генрих Четвертый. Следующим королем стал его сын Генрих Пятый, за ним — сын Генриха Пятого, Генрих Шестой. То есть все снова пошло по старым правилам. Только династия теперь называлась не «Плантагенеты», а «Ланкастеры», поскольку во главе ее стоял сын Джона Гонта, герцога Ланкастерского.

Потомкам остальных детей Эдуарда Третьего такой расклад не сказать чтоб сильно нравился. Когда у правящего монарха Генриха Шестого начались проблемы с психическим здоровьем, встал вопрос о том, кто же будет управлять страной, пока король нездоров. Бразды правления взял в свои руки Ричард Марч, герцог Йоркский, внук Эдмунда Йорка (напоминаю — четвертого по старшинству сына короля Эдуарда Третьего), на тот момент — ближайший родственник мужского пола и королевской крови, поскольку собственных детей у Генриха Шестого пока еще не было. Сынок, Эдуард Вестминстерский, родился как раз во время «припадка», который длился ни много ни мало полтора года. Потом король вроде бы поправился и снова встал у руля власти, потом снова заболел и снова на сцену вышел Ричард Йоркский... Жена Генриха Шестого, Маргарита Анжуйская, встала во главе армии, чтобы противостоять быстро растущему влиянию Йорка, Ричард Марч ответил ударом. Началась война. Шла она с переменным успехом, король Генрих пребы-

Ричард Третий

Портрет Ричарда Третьего (конец XVII века)

вал в состоянии помраченного рассудка, и в конце концов стороны достигли договоренности: полубезумный и ничего не понимающий Генрих, взятый Йорками в плен, подписал бумагу, согласно которой он останется королем, пока не умрет, но после него трон унаследуют Йорки. Либо сам Ричард Йоркский, если еще будет жив к тому времени (граф Марч был на 10 лет старше короля, так что возможны варианты), либо его потомки. То есть Генрих Шестой этим документом добровольно лишил права престолонаследия своего единственного маленького сына Эдуарда Вестминстерского. Понятно, что Маргарита Анжуйская от такого поворота пришла в гнев и ярость. И продолжила военные действия. В одном из сражений ее войска разгромили Йорков, а сам Ричард Марч и один из его четверых сыновей были взяты в плен и казнены. Но Йорки не сдались и не отступили, и в итоге королем стал Эдуард Четвертый Йоркский, старший сын погибшего в этой войне Ричарда Марча, герцога Йоркского, положив начало династии Йорков. Условия договора оказались грубо нарушены, ведь Генрих Шестой еще жив...

Прошло 10 лет, Эдуард Четвертый правил, война Йорков с Ланкастерами продолжалась, и в конце концов Маргарита Анжуйская проиграла окончательно и бесповоротно, юный Эдуард Вестминстерский погиб в последнем сражении (или был убит сразу после него неизвестными злоумышленниками; этого никто точно не знает), а короля Генриха Шестого через

16 дней умертвили в узилище, хотя всем объявили, что сам умер. Ну, это дело обычное для того периода, так поступали со многими.

Действие пьесы Шекспира «Ричард Третий» начинается сразу после гибели Эдуарда Вестминстерского и смерти Генриха Шестого.

Вот теперь можно перейти к рассмотрению действующих лиц. Итак, кто у нас действует в пьесе? Пойдем по тому порядку, в котором персонажи появляются на сцене.

Акт первый

Сцена 1

Лондон. Улица

На улице Лондона Ричард, герцог Глостер, произносит свой монолог. Кто таков? Брат короля Эдуарда Четвертого, самый младший. У Эдуарда есть двое братьев, средний — Джордж, герцог Кларенс, и младший — Ричард, герцог Глостер. Был, как мы помним, еще один брат, Эдмунд, но он погиб вместе с отцом. И о чем же монолог?

Ричард сперва рисует благостную картину, дескать, как хорошо! Война закончилась, тучи разошлись, на голове у Йорков венки победы, и вместо крови и ужасов под орудийный грохот — веселье и танцы под сладкую нежную музычку. Однако сам Ричард для такой благости не создан. Нет, он не жалуется, он трезво констатирует: я, мол, не создан для любовных забав, я груб, природа обделила меня ростом и красотой, зато наделила горбом и хромотой; одним словом, я убогий недоделанный урод.

Отсюда — вывод: раз мне не суждено стать героем-любовником, то стану-ка я, пожалуй, подлецом. И тут же рассказывает об одной из своих последних подлянок. Оказывается, он оклеветал Джорджа перед королем и рассорил родных братьев до состояния смертельной вражды. Навел на Джорджа поклеп и теперь стоит в сторонке и с интересом наблюдает, что же выйдет. «Если Эдуард настолько же честный и порядочный, насколько я сам лживый и лукавый, то по идее он должен сегодня же отправить братишку Джорджа в тюрьму, — задумчиво рассуждает Ричард, стоя посреди улицы. — Тем более что королю предсказали, что его погубит человек, чье имя начинается на букву «Г». (В английском языке имя «Джордж» — George как раз на нее и начинается).

Ну, рассудил-то он правильно, потому что в этот самый момент на сцене появляются Джордж Кларенс и сопровождающий его комендант Тауэра по имени Брекенбери. Ричард, натурально, делает круглые глаза и изображает полное изумление:

— День добрый, брат! Что значит эта стража во круг вашей светлости?

Джордж отвечает сперва с сарказмом:

— Король решил позаботиться о моей безопасности и отправляет меня в Тауэр.

Ричард продолжает изображать недоумение:

— Но почему?

— Потому что меня зовут Георг, — отвечает Джордж уже более серьезно.

Ричард решает поддержать шуточный тон брата:

— Ты же не виноват, что тебя так назвали! Все претензии — к крестным, которые выбирали и одобряли твое имя. Король что, хочет, чтобы тебя в Тауэре заново крестили и дали другое имя?

Потом тоже переходит на серьезный разговор:

— Ладно, шутки в сторону. В чем дело? Что случилось?

— Да если бы я знал! Вот вбил кто-то Эдуарду в голову, что буква «Г» его погубит и отнимет трон у наследников! То ли приснилось ему, то ли черно-книжник какой-то напел — фиг знает. А король сообразил, что меня зовут Георгом, и решил, что речь обо мне. Ну и велел закрыть в Тауэре по такой вот вздорной причине.

— Все ясно, — с понимающим видом заявляет Ричард, — это происки жены короля, леди Грэй. Это она ему мозги крутит, а он, глупец, слушает и верит. Она давит на него вместе со своим братцем Энтони Вудвиллом, внушает всякие бредни. Добились же, что лорда-камергера в Тауэр отправили, хорошо еще, что его сегодня уже выпустили. Но я уверен, что с лордом-камергером тоже эта парочка постаралась. Вот какова власть женщин над мужьями! Но при таком раскладе нам с тобой тут покоя не будет, оставаться при дворе небезопасно.

— А кому здесь безопасно? — удрученно возражает ему брат. — Здесь сейчас опасно всем, кроме

родственников королевы. Ну еще, может, любовнице короля миссис Шор нормально, да еще тем слугам, которые покрывают их роман. Ты слышал, как Гастингс умолял эту Шор, чтобы она заступилась за него?

О чем же идет речь в этом диалоге? И о ком?

Все упомянутые лица — реальные исторические персонажи. Эдуард Четвертый был женат на Елизавете Вудвилл, по первому мужу — Грей, вдове с двумя детьми, сыновьями. Двор и семья этот брак не одобряли, поскольку Елизавета не принадлежала к достаточно родовитому дому, и союз с ее семьей не приносил Йоркам никакой политической выгоды. Эдуард заключил этот брак поспешно и тайно, без должного количества свидетелей и без согласования с высшими чиновниками, чем вызвал, разумеется, огромное недовольство, поскольку в тот момент планировалась его женитьба на французской принцессе, сестре короля Франции. А вместо французской принцессы страна получила в королевы низкородную англичанку. Вся многочисленная родня новоиспеченной королевы немедленно осела при дворе и стала разбирать себе самые «вкусные» должности и самых выгодных женихов и невест. Понятно, что Вудвиллов не любили очень многие. Брат Елизаветы, Энтони Вудвилл, был самым близким и надежным ее помощником и советчиком, посему и недоброжелателей у него при дворе было не меньше, чем у его коронованной сестры.

Несмотря на крепкий брак и большое число рожденных в этом браке детей, король Эдуард никогда не отказывал себе в удовольствиях, и Элизабет Шор действительно была его любовницей, о чем знали все придворные, и сама королева была в курсе. Так сказать, официальная фаворитка. В ряде источников эту даму называют «Джейн Шор», хотя настоящее ее имя именно Элизабет.

Что же касается Уильяма Гастингса, то этот человек с молодости находился при дворе Ричарда Йоркского, отца нынешнего короля, дружил с тогда еще совсем юным Эдуардом, затем сопровождал Эдуарда на всем его пути к трону и оставался его преданным соратником, участвовал в битвах, следовал за ним в изгнание, а после коронации Эдуарда был назначен лордом — верховным камергером Англии и начальником монетного двора. Более того, он стал родственником короля, поскольку женился на его двоюродной сестре (родство по линии матери Эдуарда Четвертого, Сесилии Невилл). А теперь подумаем: какой же силой влияния должна обладать любовница Элизабет Шор, чтобы вынудить короля в чем-то заподозрить и обрушить репрессии на такую фигуру, как Уильям Гастингс! Ведь Гастингс — его ближайший сподвижник и надежный давний друг! Мы-то с вами понимаем, что опала Гастингса, точно так же, как опала самого Джорджа Кларенса, — дело рук Ричарда, и то, что Ричард переводит стрелки на королеву, ее брата и Элизабет Шор, — вполне объяснимо.

Но вот почему Джордж ему так безоговорочно верит? Сам глуповат и излишне доверчив? Или у Ричарда такая уж безупречная репутация честного человека?

На вопрос Джорджа о Гастингсе наш Ричард отвечает:

— Он так перед Шор прогнулся, что она посодествовала, чтобы его выпустили. Я думаю, нам с тобой тоже надо перед ней лебезить (*«стать слугами, носить ее ливрею»*¹), чтобы заслужить расположение короля, иначе нам не выжить. Теперь в королевстве не король главный, а эти две бабы — любовница да перезрелая вдова королева.

Тут в разговор вмешивается комендант Тауэра, Брекенбери:

— Прошу прощения у ваших светлостей, но у меня строгое указание от короля, чтобы с герцогом никто не вступал в частные беседы независимо от звания и положения.

Но Ричарда никакими строгими указаниями не собьешь. Он делает невинные глазки:

— А что такого? Мы никаких опасных разговоров не ведем, вы, кстати, тоже можете присоединиться. Мы же обсуждаем мудрость короля, благородство королевы, расхваливаем ее характер. Про миссис Шор говорим, что она красавица и остроумная, и ноги

¹ Шекспир У. Ричард III. Перевод А. Радловой // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах под общей редакцией А. Смирнова и А. Аникста. Т. 1. — М.: Искусство, 1957.

у нее хороши. Про родственников королевы мы говорим, что их обожают весь двор. В чем тут измена-то? Вы что, можете опровергнуть хоть одно наше слово? Мы кого-то оболгали?

Такой поворот для Брекенбери чрезмерно сложен, поэтому он отвечает коротко и не по существу:

— До этого мне нет дела.

Типа «я не уполномочен». Так во все времена, включая и нынешние, отвечают те, кто поставлен «на страже», если вы пытаетесь им что-то объяснить.

Ричард еще делает потуги сально острить насчет миссис Шор, но Брекенбери непреклонен, демонстративно учтив и столь же демонстративно туп:

— Прошу меня извинить, милорд, но вам придется прекратить беседу с герцогом.

— Ну что ж поделывать, раз такой приказ — будем выполнять, — покорно соглашается Джордж.

Ричард тоже больше не возражает.

— Мы с тобой теперь в опале, так что придется быть послушными. Прощай, брат! Пойду к королю, попробую как-то исправить ситуацию. Надо будет — даже сестрой назову королеву, если это поможет тебя освободить. Ты даже представить не можешь, как я за тебя переживаю! Все сделаю, чтобы тебя вытащить!

— Да ладно, всем нелегко, — вздыхает Кларенс.

— Потерпи, братишка, я уверен, что это ненадолго. Костями лягу, но тебя освобожу, — обещает ему Ричард.

— Потерплю. Прощай.

Джордж уходит в сопровождении коменданта Тауэра и стражников, Ричард остается на улице один и удовлетворенно бормочет себе под нос:

— Мечтай-мечтай, доверчивый ты мой лох! Скоро я тебя на тот свет отправлю!

А тут — откуда ни возьмись! — появляется Гастингс и весело приветствует Ричарда.

— Рад видеть вас на свободе! — воодушевленно откликается Ричард и спрашивает участливо: — Как оно в тюрьме-то? Тяжко было?

— Ничего, вытерпеть можно. Знаете ли, желание разобраться с теми, кто это провернул со мной, очень прибавляет сил и заставляет выживать.

— Тут вы правы. Кларенс точно так же попал. Подозреваю, что и вас, и его уперли в Тауэр одни и те же недоброжелатели.

— Обидно, что такие люди, как ваш брат, в тюрьме, а эти сволочи злобные на свободе и правят бал, — сетует Гастингс.

Разговор переходит на здоровье короля Эдуарда Четвертого, который, как выясняется, серьезно болен, и врачи опасаются за его жизнь. (На самом деле между смертью-убийством Генриха Шестого и смертельной болезнью короля Эдуарда Четвертого прошло почти 12 лет, но пьеса — это не учебник, так что придирааться смысла нет. У Шекспира вообще полно анахронизмов, что вполне естественно для художественного произведения.) Ричард сокрушается, дескать, король давно вел пагубную жизнь

*Ричард Третий
в исполнении актера
Фрэнка Бенсона
(1858–1939)*

и подорвал здоровье пьянством и распущенностью. Гастингс уходит навестить лежащего в постели короля, Ричард собирается идти следом, но, оставшись в одиночестве, произносит заключительный в этой сцене монолог:

— Надеюсь, он не выживет. Хорошо бы, чтобы он успел подписать Кларенсу смертный приговор, пока сам не помер. Надо будет сейчас подлить масла в огонь, добавить какой-нибудь компры на Джорджа, чтобы король уже ни в чем не сомневался и быстренько решил вопрос, прямо сегодня же. Кларенса казнят, потом, бог даст, и сам король отойдет в мир иной, и тогда я — следующий в очереди к престолу! Надо еще для верности жениться на Анне, дочери Уорика. Правда, я убил ее отца, и мужа ее тоже убил... Да ладно, фигня это, я ее уломаю. Любую девку можно уговорить на что угодно, если пообещать ей су-

Леди Анна, дочь графа Уорика

пружескую любовь и отцовскую заботу. Ну и что, что я ее не люблю? Мне она нужна для дела, а не для семейного счастья. Что-то я размечтался раньше времени... Эдуард пока еще король, и Джордж Кларенс пока жив. Вот помрут оба — тогда мой час и наступит.

*Но раньше времени я размечтался...
Ведь дышит Кларенс, и Эдвард царит;
Лишь смерть их прибыль верную сулит.*

О чем речь в монологе? Придется снова отвлечься на исторические реалии, иначе смысл останется не понятным. Анна Невилл — дочь Ричарда Невилла,

графа Уорика, двоюродного брата короля Эдуарда. Отец Ричарда Уорика, граф Солсбери, был главным сподвижником Ричарда Йоркского, отца короля, в его борьбе за власть при Генрихе Шестом. Более того, Ричард Йоркский был женат на Сесилии Невилл, сестре графа Солсбери. Если совсем просто, то Сесилия Невилл — мать короля (и его братьев заодно), Ричард Невилл, граф Уорик — ее племянник, кузен короля, а дочь Уорика, Анна, — двоюродная племянница короля Эдуарда и его братьев, Джорджа и Ричарда. Сам же граф Уорик обладал колоссальным влиянием при дворе, был главным советником короля Эдуарда и его наставником, выдал свою старшую дочь, Изабеллу, за брата короля, Джорджа Кларенса, потом стал врагом, переметнулся на сторону Маргариты Анжуйской и организовал брак младшей дочери Анны с претендентом на престол со стороны Ланкастеров, то есть с Эдуардом Вестминстерским. Ричард Невилл, граф Уорик, погиб в битве при Барнете, сражаясь на стороне Маргариты Анжуйской против Йорков, и случилось это за три недели до битвы при Тьюксбери, в которой был убит Эдуард Вестминстерский; этим и объясняются слова Ричарда Глостера о том, что он убил отца Анны и ее мужа. Возможно, имеется в виду, что не своими руками убил, а просто участвовал в тех сражениях на стороне Йорков. Но вполне может быть, что по воле Шекспира именно Ричард собственноручно порешил и графа Уорика,

и сына Генриха Шестого, юного принца Эдуарда. Так что молоденькая Анна теперь вдова. Всего за месяц с небольшим девушка потеряла отца (14 апреля 1471 года), мужа (4 мая) и свекра-короля (21 мая). Можно только догадываться, в каком тяжелом психологическом состоянии она пребывала в момент, обозначенный в пьесе.

И для чего же Ричарду так нужен этот брак? Для денег. Граф Уорик был весьма и весьма богат, и Анне причитается огромное наследство.

Сцена 2

*Лондон.
Другая улица*

*Вносят тело короля Генриха Шестого в гроб.
Дворяне с алебардами и леди Анна в трауре
сопровождают гроб.*

Анна убивается над телом свекра, просит опустить гроб и дать ей возможность еще какое-то время побыть с покойным Генрихом Шестым. Вообще-то это довольно странно: давно обезумевший и запертый под охраной Генрих вряд ли мог стать Анне близким человеком, они, скорее всего, вообще никогда в жизни не встречались. Анна утверждает, что Генрих был убит тем же человеком, который убил и ее мужа Эдуарда Вестминстерского.

*...чтоб слышал ты стенанья бедной Анны,
Жены Эдварда, сына твоего,
Убитого той самою рукой,
Что нанесла тебе вот эти раны!*

То есть Анна считает (не без оснований), что короля Генриха Шестого убил все тот же Ричард Глостер. И папу, и мужа, и свекра — всех он порешил, негодяйский негодяй. В пьесе «Генрих Шестой» Шекспир и в самом деле сделал Ричарда убийцей короля, но это исключительно для красивости и драматизма. На самом деле точно не установлено, кто именно лишил жизни безумного короля Генриха Шестого, версии высказываются самые разные: и Ричард, и Эдуард, и Джордж, и все трое разом, и парами, и вообще никто из них, а нанятые убийцы.

Обвинив убийцу мужа и свекра, Анна шлет в его адрес изощренные проклятия, желает ему всяческих ужасных бед, и пусть его ребенок родится безобразным и ужасным уродом, желательно недоношенным, и пусть его вдове придется оплакивать мужа еще горше, чем сама Анна сейчас плачет по своим утратам. Потом разрешает нести гроб дальше, но тут подходит Ричард Глостер и требует, чтоб гроб с телом Генриха Шестого снова поставили на землю. Анна негодует, что кто-то тут смеет распоряжаться, кроме нее, Ричард в грубой напористой форме настаивает на своем требовании, дворяне, держащие гроб, растеряны, но все-таки в итоге подчиняются герцогу и опускают свою скорбную ношу. Анна упрекает

Анна и герцог Глостер у гроба Генриха Шестого

дворян за то, что они испугались и подчинились, но затем удрученно признает:

— Увы, не осуждаю вас: вы — люди. А он — порождение ада, дьявол, вы перед ним бессильны.

И тут Ричард приступает к осуществлению задуманного плана. Вместо того чтобы продолжать демонстрировать силу и власть, он вдруг произносит:

— *Молю тебя, святая, не бранись.*

Он явно рассчитывает на эффект «разрыва шаблона», но эффекта нет: леди Анна продолжает осыпать

его бранью, обзывает «проклятым дьяволом», призывает небеса жесточайшим образом покарать убийцу.

Но Ричард не отступает, он предпринимает следующую попытку:

— Миледи, — говорит он, — в вас нет милосердия. А ведь милосердие призывает отвечать на зло добром.

Анна, наконец, отвлекается от потока проклятий и вступает в диалог.

— Милосердие — это для людей, которые уважают человеческие и божьи законы. А ты эти законы попираешь, для тебя их нет, значит, и милосердия для тебя не будет. Даже лютый зверь может испытывать жалость, но ты — нет.

Ричард проявляет изрядную находчивость и выкручивается:

— Раз во мне нет жалости, значит, я и не зверь.

Ну, логично в общем-то... И даже Анна вынуждена это признать. Глостер чувствует, что рыбка попалась на крючок, и начинает развивать наступление. (А помните один из законов нейролингвистического программирования, который гласит, что партнера по переговорам нужно вынуждать произносить слово «да» и соглашаться по любому поводу? Вот это оно и есть. Оказывается, все модное на сегодняшний день уже давно придумано и широко использовалось).

— Хочу попытаться объяснить вам мои поступки и оправдаться, — говорит Ричард и начинает излагать свою продуманную версию событий.

Во-первых, мужа Анны, Эдуарда Вестминстерского, убил вовсе не он, а его брат Эдуард Четвертый. Анна не верит:

— Но Маргарита (Анжуйская) рассказывала мне, что видела у тебя в руках меч, еще теплый от крови моего мужа!

— Вранье, — убеждает ее Ричард. — Маргарита просто ненавидит меня и готова сама придумать то, чего не было, и поверить в это.

Типа «показания с чужих слов судом не принимаются», как в американских сериалах.

— Ну, допустим. А короля Генриха тоже не ты убил?

— Вот тут врать не стану, короля — да, я.

Анна торжествует, но у Ричарда и здесь заготовлено оправдание. И это уже во-вторых. По мнению герцога Глостера, человеку, потерявшему рассудок и трон, лучше покинуть эту грешную землю, ему самое место на небесах, поближе к ангелам. Эти резоны не озвучиваются Ричардом, но они как бы имеются в виду. Пока. Потому что уже через несколько реплик прорисовывается совсем другая идея, которую коварный Глостер изо всех сил старается пропихнуть в сознание Анны: оказывается, причиной смерти Эдуарда Вестминстерского и его отца, короля Генриха Шестого, является красота молодой женщины. Проще говоря, Ричард влюблен и имеет полное право радоваться гибели соперника, а также поспособствовать умерщвлению заодно и свекра Анны, который мог бы препятствовать их счастью.

Эк завернул! Показателен еще один момент в их разговоре: Ричард позволяет себе пошлости, а реакция Анны, как ни странно, вполне адекватная. Скорбящая вдова острит в ответ, а не дает ему по морде.

Глостер
(о Генрихе Шестом)...туда он послан,
Где быть ему пристойней, чем средь нас.

Леди Анна
Тебе ж пристало только быть в аду.

Глостер
Нет, место есть еще... Сказать посмею ль?

Леди Анна
Тюрьма?

Глостер
Нет, ваша спальня.

Леди Анна
Пускай беда живет там, где ты спишь.

Глостер
Так это есть, пока не сплю я с вами.

Каково? Вести подобные разговоры прямо над телом покойника — это как-то уж совсем не комильфо. Ну ладно Ричард, он и сам про себя говорил, что груб и не годится для светского обхождения. Но леди Анна... Насчет того, что Анна острит, — это мне не показалось, Ричард ведь тоже так считает, потому что говорит:

— Миледи, оставим остроумья поединок и к разговору мирному вернемся.